

Олег Георгиевич Бахтияров –

генеральный директор Университета эффективного развития (Киев), разработчик концепции психонетики – технологий использования ресурсов сознания, руководитель сети психонетической подготовки в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Минске и других городах, автор книг «Постинформационные технологии: введение в психонетику», «Деконцентрация», «Активное сознание», «Технологии свободы»

Размышления о цивилизации воли

1

Сохранение, преобразование и порождение новых социокультурных реальностей начинаются в мире идей. Чем они абстрактнее, тем результативнее их реализация. Наблюдаемая нами культурная, политическая и экономическая ситуация потому и остается хаотичной, что не управляется никакими высокими смыслами – ведь вначале рождаются смыслы, и только затем уже они проецируются на формы мышления, технологии, социальные и цивилизационные проекты. Там, где царит хаос, помогают не запреты, а новые идеи, которые в очередной раз призваны управлять миром. Призваны-то они призваны, но им еще нужно помочь проявиться. Новые идеи определяют те формы существования обществ, которых не было до сих пор. Собственно, тот путь и называется самобытным, который должен конструироваться не как заимствование или отрицание чужих моделей, а как развитие своей собственной сути. Совпадет ли она с чьими-то еще проектами или нет – не имеет никакого значения. Важно, чтобы это было СВОЕ. История – сложный процесс, сложнее любой модели или их совокупности. Существующих мыслительных

средств недостаточно для охвата и понимания столь сложных явлений, как появление и преобразование цивилизаций, смена стадий и эпох. В ретроспективном анализе всегда вычленяется какая-то одна историческая линия, наследниками которой нам предлагается стать или которую нужно отвергнуть. Прошлое конструируется, чтобы стать основой настоящего. Попробуем вычленить ту линию в истории России, которая представляется перспективной для построения будущего.

2

4 октября 1993 года нам был задан вопрос о будущем России: действительно ли мы наблюдаем «закат звезды ее кровавой», конец ли это русской истории или только завершение одного из ее этапов? Мы уже более 20 лет всё еще находимся в промежутке между вопросом и ответом, а ответ – продолжим ли наше историческое существование или пополним кладбище великих цивилизаций – зависит от нас, ныне живущих русских. Есть некоторое множество людей, которым «сладостно отчизну ненавидеть» и «в разрушении отчизны видеть всемирную десницу возрождения». У этой ненависти нет видимых рациональных оснований, но в классе ненавидящих Россию иногда встре-

чаются и не обделенные интеллектом люди, пытающиеся эти основания обнаружить. Они ненавидят не режим, не отдельных людей, а именно Россию как глобальное явление, обнаруживающее иной способ исторического бытия, нежели Запад и примкнувшие к нему культурно-исторические образования. Ненавидят то, что составляет нашу сущность. «Две расы» — как точно выразился Захар Прилепин. У этих «рас» нет общих оснований, и их трактовки одних и тех же событий диаметрально противоположны.

Интересна в этом отношении статья Михаила Эпштейна, опубликованная в «Новой газете» 18 февраля этого года — переделанная в стилистике ненависти статья «Экзистенция», написанная еще в 2001 году и подробно развернутая в его книге «От совка к бобку». Тогда он писал о России с удивлением, теперь пишет с ненавистью. Почему? Отбросим его дежурные мрачные англо-американские ночные фантазии об архаизации, деградации и панфобии России. Фундаментальные основания ненависти иные — особый тип исторического существования, никем кроме России не реализованный, — «историопластика». Вот что пишет Эпштейн: «Россия познает себя через отрицание всего того, что раньше о себе узнала и чем себя определила. Отсюда

Если в истории российской цивилизации последовательно реализуются разные и несовместимые друг с другом «культурные ДНК», не означает ли это, что ее существование и вариативность определяются некоей «супер-ДНК»?

не только географическая, но и историческая обширность страны, при отсутствии явно выраженного прогресса, поступательного движения. Это скорее вращение вокруг своей оси, перебирание и отбрасывание разных моделей. Никакие социальная форма и религиозная идентичность не пригодны для такого великопустотного существования, которое прокладывает путь из ниоткуда — через всё — в никуда. Россия — самая большая страна не только по территории, но и по исторической вместимости. Она не столько двигалась вперед во времени, сколько испытывала всё новые и новые варианты исторической участи. Это свойство конкретной цивилизации сохранять свои основные свойства, проходя через многочисленные, диаметрально направленные деформации (от смуты к застою, от монархии к анархии и т.п.), можно назвать историопластикой».

Именно та историческая линия, которую выделил Эпштейн как враждебную и бессмысленную по отношению к «нормальной истории», и представляется наиболее перспективной и проявляющей возможную вариативность даль-

нейшего развития. Не он один останавливается на этой теме. От Бердяева («пять Россией») до Проханова («мы развиваемся, достигаем вершины, а потом падаем вниз и исчезаем, как будто навсегда») русские мыслители отмечают особенность России: казалось бы, несоединимые куски истории образуют тем не менее некоторое сверхрациональное единство. Обычные исторические организмы развиваются последовательно: зародыш — младенец — подросток — юноша — зрелый мужчина — старик — труп. При всем отличии старика от зародыша есть последовательность преобразований, в основе которой лежит своего рода «культурная ДНК». Если в истории российской цивилизации последовательно реализуются разные и несовместимые друг с другом «культурные ДНК», не означает ли это, что ее существование и вариативность определяются некоей «супер-ДНК»?

При этом речь идет не о вариативности одного культурного организма, а вариативности, порождающей разные организмы — разные типы культур. Можно, конечно, вычленив передающиеся культурные стереотипы, они есть и легко вы-

Западный путь развития представляется точно определенным начальными основаниями, «культурной ДНК». Двух начал – христианского вероучения и юридического принципа абстрактных прав и отношений – достаточно для фатального последовательного развертывания культурных, государственных и экономических форм.

являются, но среди них всё равно будет присутствовать способность начинать свое существование заново, пройдя сквозь историческую катастрофу. Единство истории при этом обеспечивается позицией, находящейся над текущими событиями, позицией, позволяющей «смотреть на» разворачивающиеся линии развития и катастрофы. «Всемирная отзывчивость», о которой часто пишут, коренится в этой «позиции над» — если вняты собственные радикальные преобразования, порождающие столь различающиеся культурные проекты, то столь же внятными становятся и чужие. Другие цивилизации реализуют свой единственный проект, по-

рождая предзаданность собственной исторической траектории. То, что называется прогрессивным развитием, представляет собой последовательное развертывание вполне определенных потенций. «Позиция над» обеспечивает потенциальное разнообразие различных исторических решений и, более того, их сочетание, иногда даже — сочетание не сочетаемого.

Западный путь развития, при всей его концентрированности, представляется точно определенным начальными основаниями, «культурной ДНК». Двух начал — христианского вероучения и юридического принципа абстрактных прав и отношений — достаточ-

но для фатального последовательного развертывания культурных, государственных и экономических форм. Христианская свобода сковывается и подменяется юридической принудительностью, порождая фундаментальные основания европейского развития и возможные формы их реализации. Рефлексия над этой фатальностью отразилась в западных учениях о закономерной смене исторических стадий (формаций) — от марксизма до мрачных футуристических фантазий раннего Фукуямы. Но именно в Европе как реакция на осознанную заданность (не забудем тезис «свобода есть осознанная необходимость») и родились в XIX веке проекты освобождения от, как тогда говорили, «стихийности», ставшие предшественниками и коммунизма, и национал-социализма. Интересно, что даже идеи иной формации, другого способа организации жизни в

комплексе марксистских утопий маскировали это стремление выйти за рамки европейской культурной автоматике утверждением о коммунизме не как об иной, а как об исторически неизбежной, следующей стадии развития. В России от марксизма была взята только сторона создания иного, причем не как закономерного преобразования, а как создания нового «на голом месте».

Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма» так характеризует этот период: «Мир стал пластичен, и из него можно лепить новые формы. <...> Тут свобода понимается не как свобода выбора, не как свобода повернуть направо или налево, а как активное изменение жизни». Этот период «активного изменения жизни» был недолгим, но именно он объясняет, почему кровавый хаос революции и послереволюционного насилия преобразовался в уникальный социальный эксперимент. Изменение основ жизни — ключевой мотив, порождающий «историопластику». Не последовательное улучшение отдельных элементов, не последовательное преобразование одних форм жизни в другие, смежные, а изменение основ, создание Иного.

3

Регулярная смена векторов развития при сохранении цивилизационного единства заставляет искать ту точку, из которой порождаются различные цивилизационные варианты. Культуры и цивилизации — это организмы со своей жизнью, не вполне похожей на жизнь биологических организмов. Тем не менее организмичность длительно существующих культур очевидна, что и подтверждается регулярным появлением организмических циклических моделей от Данилевского и Шпенглера до Тойнби и Гумилева.

Развитие в пределах организмической определенности — это понятно, но Россия в своей истории время от времени достаточно резко переходит от одной формы к другой, изменяя свою «культурную ДНК», но сохраняя при этом себя как Россию. Это свидетельствует о наличии более высокой управляющей инстанции, стоящей над организмической автоматикой. Нам известна только одна инстанция, стоящая выше жизни. Это Воля в ее творящем аспекте, не обусловленная никакими нижележащими — ни механическими, ни организмическими — факторами. Воля, «заклинающая» Хаос не приданием ему стабильных форм, а управлением его изменчивой стороной. Борьба трех начал — Воли, Стабильности и Хаоса — хорошо заметна в русской истории. Воля творит новые формы — и творит их, пока не «засыпает». А когда она «засыпает», тогда и начинается Смутное время. Преодоление Смутного времени — это знак нового пробуждения Воли, а значит, и творения нового исторического цикла. Такое существование рискованно (катастроф в нашей истории хватает), но оно выводит из ситуации жесткой предопределенности и скованности нормативами. Что лучше — риск катастрофы или гарантия обусловленности? Может ли Воля не «засыпать»? Отражением потребности встать над историческим процессом и закономерностями стала концепция сверхобщества Александра Зиновьева, который описывает советскую формацию как сложную систему, где над обычным государством надстраивается особая управляющая структура — партийный аппарат. Однако управление такой системой требует совершенно иных качеств, нежели те, что были в то время у советской правящей элиты.

Система, выстроенная над государством, была создана людьми, мыслящими категориями обычного государства. В том, что Зиновьев называет «коммунистическим сверхобществом», присутствовал лишь намек на инстанцию, управляющую организмическими цивилизационными процессами. Режим рухнул, но намек остался. Однако для реализации этого намека необходима иная культура интеллектуальной и управленческой деятельности.

Управлять социальным организмом «сверху» можно либо опираясь на обычные мыслительные схемы (и тогда управляемый объект должен быть упрощен до соответствия имеющимся средствам), либо порождая новые мыслительные средства, равные по сложности управляемому организму. В первом случае организм либо убивается — и на его месте создается управляемая социальная машина, либо ограничивается в своих проявлениях. Во втором — организм не только выявляет свои потенции, но и присоединяет к ним новые, регулярно создаваемые возможности. То, что было сложной и труднообъяснимой «историопластикой», становится предисторией волевого управления.

Опорой такой работы является свободная творящая Воля, но это требует совершенно иного качества управления. Основой волюнтаристического управления оказывается не набор правил и нормативов, а постоянное создание новых форм. Креативный класс (не путать реальные творческие слои с «офисным планктоном», присвоившим себе это имя) и должен быть проводником осознавшей себя Воли. Так начинается сверхобщество.

4

Позиция Воли вызывает опасения у тех, кто к ней непри-

Нам известна только одна инстанция, стоящая выше жизни. Это Воля в ее творящем аспекте, не обусловленная никакими нижележащими – ни механическими, ни организмическими – факторами.

частен. Она кажется произволом, от которого можно ожидать всего. На самом деле позиция Воли порождает особую ответственность, подобно тому как ядерные державы обретают повышенную ответственность, помимо гарантированной безопасности. Перед позицией свободной творящей Воли открываются столь мощные и разнообразные перспективы, что опасения неограниченных откликов на случайно возникающие внутренние импульсы представляются проистекающими от глубокого непонимания различий между Волей и обусловленностью.

Но переход к волевому существованию требует совершенно иной антропологии, иного типа человеческих существ, способных к внутренней, не обусловленной стимулами и нормативами активности. Новый проект России неизбежно будет связан с целенаправленным «производством» таких новых людей. Впрочем, эта проблема затрагивает не только Россию. В мире интенсивно обсуждается неизбежность резкого измене-

ния образования как такового, преобразования его в гибкую, динамичную систему, сопровождающую человека с момента рождения и до его смерти. Программы обсуждаются, но не реализуются – нет концепции того самого человека, который будет создаваться в рамках новых образовательных подходов. Управление изменчивостью с позиций изменчивости (а это и является основой возможных будущих систем образования) означает управление естественными, организмическими процессами, но для этого нужна «сверхъестественная» позиция. Это и есть позиция Воли.

5

Россия не может отказаться от попытки построить сверхобщество. Формулировка Зиновьева придает совершенно новый смысл советскому периоду. Предзаданность определяется жестко закрепленными и воспроизводимыми нормативами, в том числе и правовыми. Эти нормативы становятся посредниками между спонтанной человеческой активностью и тем Ха-

осом, который эта активность упорядочивает. Автоматика развития умиротворяет Хаос, но она же и ограничивает творящую Волю. Вопрос не в том, чтобы выстроить еще один проект – Россия фундаментальные проекты в пределах видимого исторического горизонта исчерпала, – но чтобы реально, а не в фантастике, ограниченной наличествующими возможностями, встать над историческим процессом. Исторический процесс, смена укладов, фазовые переходы, культурные циклы – у этого явления много имен, но все они отражают идею некоторой принудительности истории. Исторические образования справедливо уподобляются живому организму со своими стадиями развития – расцветом, увяданием и смертью. И точно так же, как нет средств – концептуальных и, глубже, мыслительных – повлиять на развитие живого существа, изменить его глубинные характеристики, так тем более нет средств, которые оказывали бы воздействие на исторические траектории. Есть механическая логика и механические способы управления, но организмической логики пока нет. Такая логика не может родиться «снизу», ее можно соз-

дать лишь из позиции пробужденной Воли.

В России больше, чем в какой-либо цивилизации, Воля превалирует над цивилизационной автоматикой, надстрое на не столько над социальной автоматикой, сколько над Хаосом. Россия ближе всего к волевому правлению Хаосом, чем другие известные нам культуры. Отсюда и широта перемещений по идеологическим полям. То, над чем иронизировал Борис Алмазов, пародируя Константина Аксакова, на самом деле является довольно точной формулировкой позиции, с которой и возможно управление «историопластикой»:

*По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.*

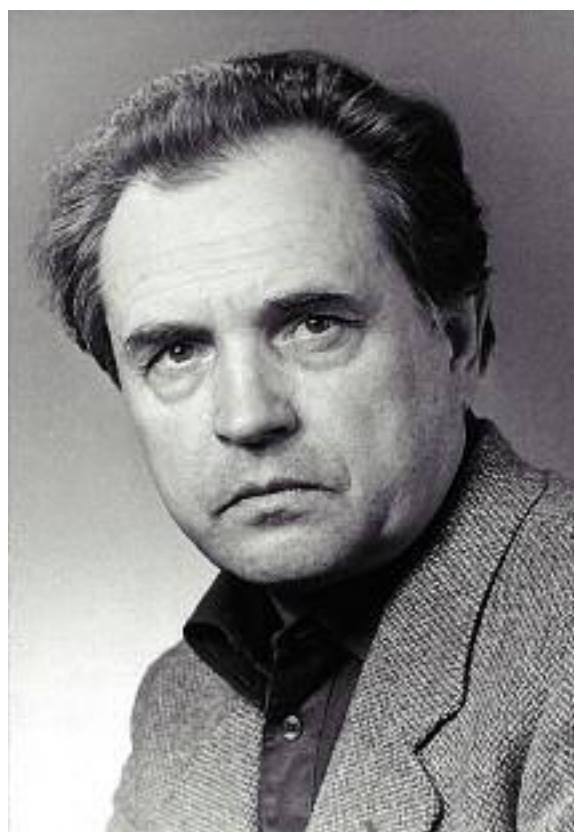
Правила не задаются раз и навсегда, они должны изменяться вместе с текущей ситуацией, но тогда важным становится само действие, а не правила и нормативы.

В русской культуре легко вычленяется глубокое неудовлетворение любым проявленным, ставшим результатом. Отсюда отрицание (радикальное или ироничное) собственных достижений (тот же Эпштейн приводит длинный перечень парадоксальных самоотрицаний у лидеров отечественной культуры). Цепочка стабильных форм, являющихся модификацией базовой формы, тоже не устраивает, отсюда и постоянный мотив в русской культуре — создать Иное (в чистом виде эта направленность на создание того, чего никогда не было, выражена в недавней работе Владимира Никитина и Юрия Чудновского «Основание иного»).

В России ничто не окончательно, здесь не бывает необратимых процессов и бесповоротных событий, и именно по той причине, что русский исторический процесс управляется не столько автоматикой, сколько Волей. Поскольку ресурсов социальной автоматики у нас уже не осталось, лишь Воля, не требующая стимулов для своего проявления и лишенная инерции предшествующих процессов, может обратить гибельную тенденцию вспять. Это и будет означать, что реализация проекта преодоления смерти началась.

6

Еще раз напомним: мы не пытаемся построить очередную историософскую концепцию. Важно выделить из множества реальных исторических линий

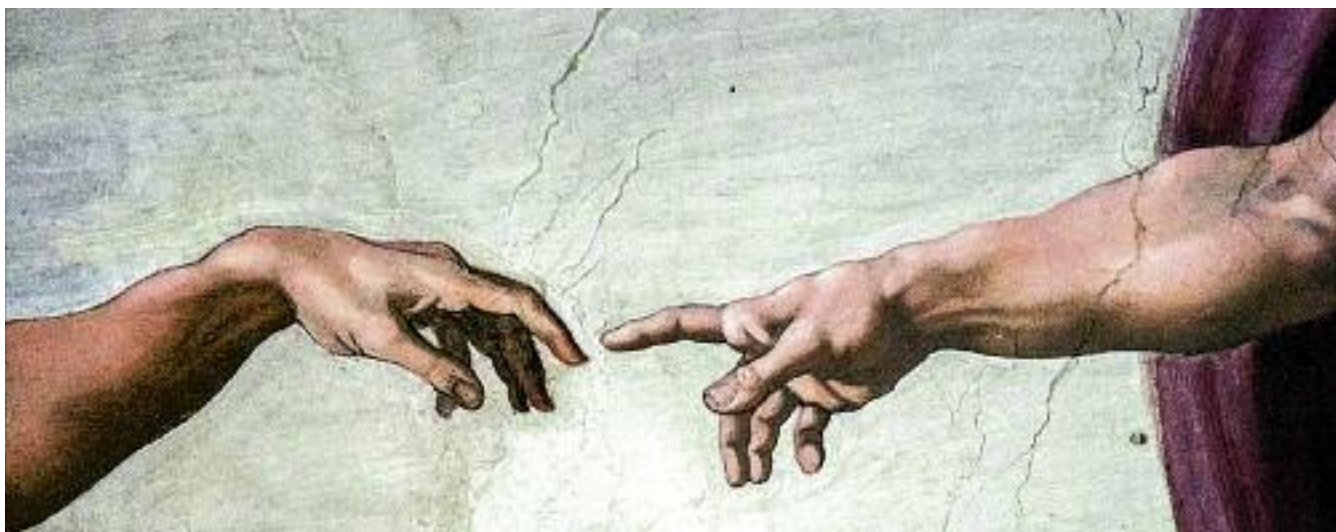

Отражением потребности встать над историческим процессом и закономерностями стала концепция сверхобщества Александра Зиновьева (на фото), который описывает советскую формацию как сложную систему, где над обычным государством надстраивается особая управляющая структура — партийный аппарат.

и событий те, которые смогут ответить на вопрос, заданный в октябре 1993 года: что мы наблюдаем — начало конца или переход к новому проекту? Важно выделить спасительные линии, и для этого необходимы фундаментальные противопоставления России и других цивилизаций. Конечно, эти противопоставления несколько упрощены: и в Европе происходили радикальные революции (в том числе и суливший отклонение от последовательного развития национал-социалистический переворот), и в России можно выделить непрерывные линии (русская литература и наука развиваются последовательно и без разрывов, несмотря на революции). Но выделение своего, особенного, его формулиров-

ка необходимы для того, чтобы из этого зародыша вырастить будущее.

Сергей Дацюк в одной из наших с ним дискуссий ввел противопоставление презумпции воли и презумпции определенности. Я бы свел это к дилемме Воли и Жизни. Жизнь извлекает из Воли только ресурс активности, действие «состиснутыми зубами», действие, когда внутри «всё пусто, всё сгорело и только Воля говорит — иди!» (Сстиснутые зубы как раз регулярно и выявляются в истории России.) Но Воля отнюдь не ограничивается обслуживанием жизни. Будучи по своей природе ничем не обусловленной порождающей активностью, она становится (должна стать) управляющим фактором, создающим новые

Творящая Воля отражает процесс Творения, позволяет присоединиться к этому процессу. Собственно, участие в Творении, восстановление ценности свободной Воли и есть православный вектор.

формы жизни. Презумпция Воли — вот граничная формулировка радикального русского проекта.

Цивилизацию Воли не нужно придумывать — она и так содержится в виде некоей интенции в русской культуре. Ее важно выявить, вытащить ее линию из множества других переплетающихся линий. Согласиться с врагами — да, не последовательное развитие, а «историопластика», порождение Иного. Признать ценность этого процесса, сделать его основой существования. Обратиться к творящей Воле означает отбросить те модели, которые направляют нас на «единственно верную дорогу», ведущую через уподобление европейской автоматике прямо на историческую бойню. Творящая Воля отражает процесс Творения, позволяет присоединиться к этому процессу. Собственно, участие в Творении, восстановление ценности свободной Воли и есть православный вектор. Он позволяет сделать осознанным порождение разнообразия, неизбежного для полиэтнической и поликонфессиональной страны.

7

Еще одна сторона «историопластики» — объединение не объединяемого. Воля появляется не тогда, когда принимается одна сторона конфликта, а когда находится позиция, из которой противостоящие друг другу основания порождаются и в силу этого становятся ясными и внятными. Межпроектные промежутки выявляют невозможную, казалось бы, сочетаемость противоположных проектов. Когда в начале 90-х годов рушилось государство, именно «историопластика», общность глубинных оснований, вариациями которых служили и Третий Рим, и Раскол, и Империя, и СССР, породили и парадоксальные самодеятельные объединения мобилизационного типа наподобие «Союза офицеров» Станислава Терехова, который сумел объединить патриотов коммунистической и православной ориентаций, и не менее парадоксальные идеи красно-белого примирения Александра Проханова. Оказалось, что логически и стилистически несоединимые на

уровне «культурной ДНК» явления вполне уживаются на уровне «историопластики». Среди мобилизаторов, объединенных общей целью, общим порывом, были и те, кто не принял отказа от коммунистической идеи, и те, кто напротив поддержал крушение режима КПСС — но не страны как большой и организованной системы, которую этот самый режим, по их мнению, и угробил, и наконец те, кто напрочь отвергал советскую эпоху, ратуя за восстановление самодержавной империи. Среди патриотов, не принявших горбачевско-ельцинский режим, были и такие, которые, будучи по своим взглядам православными белыми патриотами, принимали советский строй именно потому, что, по их мнению, под видом строительства справедливого общества восстанавливалась старая традиционная Россия. Объединение красных и белых патриотов фактически было подготовлено труднообъяснимой, но вместе с тем зримой логикой развития советского строя и советского общества. Ведь, по сути, после революции, уничтожившей, испепелившей народ, страну и культуру, со временем сорганизовался новый народ, оформилась новая страна, сложилась новая культура. И эти новые

народ, страна и культура, не смотря на их совершенно иной идеологический дизайн, во многом оказались повторениями своих дореволюционных аналогов.

8

К сожалению, мы по-прежнему уповаем на институциональное строительство: дескать, надо создать правильные структуры, и тогда всё само собой образуется. Увы, не образуется. Потому что уровень регламентации и бюрократизации уже превзошел все мыслимые отметки и буквально зашкаливает. И в этом смысле мы опять повторяем ошибки Советского Союза. Ведь именно аналогичная предельно избыточная административная заорганизованность, приоритетное внимание не к сути, а к процедурной стороне решения любого вопроса, абсолютное преобладание узковедомственных интересов над интересами реального дела не дали воплотить в жизнь те перспективные опережающие проекты, которые могли бы придать импульс развития советской системе.

Акцент следует делать на развитии не структур, а людей. На смену социологии должна прийти антропология, то есть необходимо перенести приоритетное внимание с работы с большими социальными системами на работу с человеческим материалом. Надо заниматься подготовкой людей, способных создавать любые структуры под нужды того или иного проекта, а не заботиться о лояльности кадров тем структурам, которые их рекрутируют. Следует понимать, что здесь первично, а что вторично, и четко соблюдать правильную причинно-следственную связь. В каком-то смысле подобным «производством» людей занимались и в советской системе, когда пы-

Главное – пробудить в человеке его активное начало, превратить это начало в сильный мотивирующий фактор, на который можно наслаивать соответствующие знания или компетенции, научить людей реализовывать абстрактные планы в абсолютно любых ситуациях, в том числе в экстремальных, чтобы они могли восстанавливать и заново создавать требующиеся структуры в условиях высокой неопределенности, риска и разрушения структур имеющихся.

тались воспитать кадры не только высокопрофессиональные, но и высокомотивированные, которые могут в кратчайшие сроки решить чуть ли не любую проблему на том участке, где они трудятся. Такие люди в достатке имеются и сейчас. Очень много тех, которые хотят и могут что-то делать и готовы работать ради не только материального вознаграждения, но и реализации более фундаментальных смыслов. Но чтобы сорганизовать таких людей на что-то созидательное, требуется инициировать процесс саморазвития. Соответствующие приемы хорошо известны. Они используются и в стартапах, и при раскрутке тех или иных бизнес-проектов, и при поиске эвристических решений на производстве, и, наконец, в политехнологиях. Такие приемы не требуют каких-то больших инвестиций: главное запустить процесс — и он начнет сам себя воспроизводить. Главное — пробудить в

человеке его активное начало, превратить это начало в сильный мотивирующий фактор, на который можно наслаивать соответствующие знания или компетенции, научить людей реализовывать абстрактные планы в абсолютно любых ситуациях, в том числе в экстремальных, чтобы они могли восстанавливать и заново создавать требующиеся структуры в условиях высокой неопределенности, риска и разрушения структур имеющихся.

Это трудная задача. В четвертьвековом межпроектном промежутке выросло новое поколение, для которого жизнь в неопределенном «между» является нормальным фоном. Многие потенциальные проекты создания собственной новой системы были пережиты на поле культуросозидающих фантазий, но не в реальности. Поэтому и необходим бросок к фундаментальным основаниям бытия — Воле и Творчеству.